

ЭО, 2006, № 3

© С.А. Арутюнов

МЫСЛИ КРОЛИКА У ОДРА БРАТЦА ЛИСА

Теория этноса и ее важнейшая составная часть – теория этногенеза – суть основные и вечные темы науки этнологии (или этнографии). И очень отрадно, что журнал "Этнографическое обозрение" вновь вернулся к их обсуждению на своих страницах. И хотя дискуссия о концепциях Л. Гумилева формально отделена от дискуссии о концепциях С. Широкогорова, поставлены они рядом, и в сущности это единая дискуссия.

Несмотря на имеющиеся настойчивые попытки спеть отходную, то бишь реквием, по этносу, приходится вновь вспомнить слова Братца Кролика о том, что "Братец Лис с виду ну совсем как покойничек, а вот ведет себя так, как покойнички себя не ведут". Или, как сказал бы другой литературный герой, писатель в мягкой детской курточке (из "Золотого теленка"), этнос существует, и с этим приходится считаться. Соответственно, приходится и заниматься теорией этноса.

Я полностью согласен с позицией А.М. Кузнецова, который в своей статье убедительно показал, что "идея этноса как универсальной, а затем конкретной общности ...стабилизируемая эндогамией, спокойно укладывается в предложения С.М. Широкогорова". По существу в них укладывается основная часть теории этноса в том виде, в каком она существует в отечественной науке, и "в теории психоментального комплекса уже имплицитно содержатся и весь конструктивизм В.А. Типкова, и ряд положений С.Е. Рыбакова". Вчитывание в "имплицитное содержание" идей С.М. Широкогорова показывает, что споры о сути этноса, которые ведутся в отечественной науке, при всем своем накале в общем беспредметны, как, в частности, спор между примордиализмом и конструктивизмом. Они так же не исключают, а дополняют друг друга, как и оба варианта теории этноса С.М. Широкогорова. Совокупность его идей создает основной костяк *общей* теории этноса. Все последующие авторы лишь конкретизировали и дополнили, выбирали и акцентировали отдельные его положения, нередко, подобно Журдену, сами того не осознавая. Вместе с тем это была отнюдь не бесплодная работа, но это и не была альтернативная работа, поскольку они занимались главным образом созданием *частных* теорий этноса, показывающих его функционирование в разных конкретных эпохальных исторических условиях или же в разных функциональных сферах его бытия.

С.М. Широкогоров был пионером, новатором разработки теории этноса, и поэтому отдельные его высказывания могут быть восприняты противоречиво, если брать их недостаточно отточенную букву, а не вчитываться в их гениальный дух. Но если попытаться сделать последнее, то противоречивость исчезает. Так, абсолютно неправомерными представляются мне обвинения Широкогорова в биологизаторстве. Когда они выдвигаются в адрес Л.Н. Гумилева, они справедливы, поскольку Л.Н. Гумилев в своих сочинениях преобразовал метафорический смысл "биологизаторских" высказываний Широкогорова в их буквалистское истолкование.

В самом деле, что есть "вид", когда мы говорим о человеке? Если речь идет о человечестве в целом, то ясно, что оно и есть *вид Homo sapiens* в буквальном, биологическом значении слова. Однако когда Широкогоров называет "видами" этносы, то из контекста ясно, что здесь слово "вид" употребляется в метафорическом понимании, которое и было расширенно разъяснено впоследствии (без ссылки на Широкогорова) Э.С. Маркарян. А именно: "этносы и их культура выступают в качестве тех элементарных таксо-

Сергей Александрович Арутюнов – член-корреспондент РАН, профессор, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН.

номических единиц, эквивалентом которых выступают популяции соответствующих видов в процессах биологической эволюции. С этой точки зрения этнические культуры, рассмотренные в проекции на общее развитие человечества, и биологические виды, взятые в их соотношениях к общему полю биологической эволюции, представляют собой во многом изоморфные и изофункциональные образования" (Культура 1983: 48). Несколькими строчками ниже Маржарян, переходя к критике концепций Гумилева, пишет, что «одна из основных причин того, что Л.Н. Гумилев усмотрел путь к решению проблемы установления природы этноса в его биологической трактовке, состоит, на наш взгляд, в том, что он не использует в своем анализе в качестве рабочего познавательного инструмента понятие "культура". В результате этого образуется определенный теоретический вакуум, который им заполняется биологическими представлениями». Совершенно ясно, что упрекнуть Широкогорова в игнорировании понятия "культура" или в его недоиспользовании никак нельзя.

В.Р. Филиппов упрекает Широкогорова в том, что последний уверен: "с биологической точки зрения, ум человека – есть то же самое, что для тигра его мускулатура, зубы и когти... и, таким образом, этнографические явления нужно рассматривать как функцию биологическую". Здесь отсутствует лишь одно слово: "изоморфную биологическую", но из контекста, мне кажется, понятно, что имплицитно имеется в виду именно это. Мозг человека – такое же биологическое явление, более того, такая же анатомическая деталь, как когти и зубы тигра. Разница лишь в том, что тигр умерщвляет свои жертвы непосредственно когтями и зубами, а человек – копьями, стрелами и автоматами АК-47. Но копия и автоматы создаются, в конечном счете, крупным мозгом, и если бы последний отсутствовал, не было бы ни копий, ни автоматов. Любые явления культуры имеют свои истоки и предпосылки в биологической природе человека, но они отделены от нее, выделены ею в техносферу вида (и этноса!) как специфичное для данного вида (и этноса) средство адаптации к природной и социальной среде.

Я не могу согласиться с утверждением В.Р. Филиппова, что "нет способов применения метрических систем к феномену культуры". На самом деле такие способы есть, или, по крайней мере, до недавнего времени были. Это энерговооруженность данной культуры, или суммарный калораж потребляемых ею энергоносителей, – пищи людей, фуража для рабочего скота и, наконец, топлива. Однако сейчас человечество подошло к точке перегиба кривой своего развития, и, видимо, вскоре наиболее высокоразвитыми культурами будут считаться те из них, которые характеризуются не наибольшими, а, напротив, наименьшими размерами душевого потребления энергии и материи. Тогда на смену мерилу энерговооруженности придет мерило информационной вооруженности культуры. Можно сказать, что оно уже приходит. Равным образом рост или депопуляция этноса перестают быть мерилем его расцвета или деградации: депопуляция означает ныне перенос ценностной ориентации с количества детей на качество вырастающих из них взрослых.

И несколько слов о статье П. Скальника. Трудно, да и не всегда нужно полемизировать с римейком статьи, написанной столь давно, учитывая к тому же, что немало ясности вносят примечания переводчика. Тем более не стоит сегодня иронизировать по поводу "убийственно" иронического тона ряда пассажей этой статьи. Она писалась в идейной атмосфере, весьма далекой от нынешней, и то, что кажется надуманным сегодня, тогда выглядело вполне естественно. Важно одно: действительно, внимание к проблемам этноса (а не этничности, как якобы второстепенной компоненты социальных процессов) было в равной степени характерно для СССР и для ЮАР в значительной мере потому, что в этих странах реальные проблемы взаимоотношений между белыми и небелыми, русскими и нерусскими, титульными и нетитульными, "коренными" и "пришлыми" были (во многом и остаются) остры, как нигде более. Несколько более сдержанное, но все же большое, по сравнению со странами Запада, внимание к этническим проблемам характерно также, по достаточно понятным причинам, для националь-

ных школ этнографии в Мексике, Индии, Китае и Японии. В последней при 99% весьма однородного японского населения проблемы этнических и квазиэтнических меньшинств, не столько аборигенов – айнов, сколько корейцев и "неприкасаемой касты" буракуминов (в прошлом "эта" или "хинин"), до сих пор стоят весьма остро.

То, что в этих (и некоторых других) незападных странах этнографы и антропологи заняты этносом больше, чем в странах западных, само по себе ни хорошо, ни плохо. Конечно, здесь есть социальный заказ, но это, скорее, объективный заказ ситуации, нежели прямой заказ власти или истеблишмента. Да, этнографы СССР (России, СНГ) и ЮАС (ЮАР) стояли и отчасти и ныне стоят на позициях, во многом сходных между собой и резко отличных от агностического постмодернизма и безбрежного релятивизма западных неолеволбералов. Ну и что?

Шесть общих определяющих черт этноса, характеризующих рассматриваемые Скальником столь малосимпатичные ему концепции, действительно актуальны, операциональны, и без них не обойдется ни одна работающая теория этноса (т.е. не являющаяся агностической или нигилистической). Правда, что касается п. 6 – происхождения и физического типа, то чаще речь идет не об объективной реальности (хотя иногда и о ней тоже), но, скорее, о мифах, бытующих в этносе насчет этих реальностей. Мифы эти лишь частично отражают реальность, а иногда совсем ее не отражают (но это уже более характерно для расистской и фашистской идеологии, нежели для обыденных этнических автостереотипов).

В общем хорошо, что у нас в "Этнографическом обозрении" публикуется статья Скальника. Как говорили древние, *audiatu et altera pars* – надо послушать и другую сторону. Но, как говорили те же древние, воспринимать это надо *cum grano salis* – с крупицей юмора, скорее как любопытную страницу из истории науки, нежели как полноценное слово в современной дискуссии.

Позволю себе в конце своей заметки сказать несколько слов о статье В.А. Шнирельмана. Я практически полностью согласен со всеми ее положениями. Но есть некоторые мелочи, по которым у меня сложилось "особое мнение". Мне кажется, неправомерно противопоставлять "маргинальную" прессу и якобы "респектабельную" "Литературную газету". В действительности от "респектабельности" последней не осталось ни ножек, ни рожек, и эта газета сегодня приобрела вполне маргинальный характер – если только не признать, что произошла инверсия, и вчерашние маргиналы стали сегодня мейнстримом, а респектабельная либеральная пресса отброшена на медийную маргину.

Возражения вызывает у меня и фраза: "Глобализация размывает прежние культурные барьеры, ведет к гибридизации и креолизации культур, предоставляет человеку невероятную свободу выбора". Как раз свободы выбора-то и не остается ни на грош, и выбирать можно лишь одно из двух: либо принять все правила игр консумеризма, войдя в позолоченный миллиард (если сумеешь и если пустят), либо остаться в многомиллиардной жестяной фавелле с огрызками локальной культуры. Гибридизации тоже не происходит: в лучшем случае имеет место прививка локального декоративного привоя на пост-индустриальный "западный" подвой (именно это происходит в нынешней Японии, хотя большинству пока что кажется, что дело происходит наоборот; оно и происходило наоборот, но только до 1945 г.). И наконец, креолизация возможна только по прохождении стадии пиджинизации, и многие незападные общества, похоже, надолго застряли именно на этой стадии. Вот как будто пока и все мои разрозненные соображения, высказать которые меня подтолкнуло предпринятое в "Этнографическом обозрении" очень удачное предприятие подачи двух близких тем в одном флаконе. Нет сомнения, что оно подтолкнет к плодотворным раздумьям и высказываниям многих его читателей.

Литература

Культура 1983 – Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983.